

Баба-Яга (Гатцук)

Жил в некотором городе купец с женою, а у них дочка Настя, единое дитятко. Не наглядятся на дочку отец с матерью, не нарадуются; берегут пуще глаза, чтобы ветер на нее не пахнул, горячее солнышко ее личика не опалило. Жил купец в хорошем достатке, с женою — в любви да согласии; добрые люди их житью радуются, а худые завидуют.

Пуще всех завидовала Купцовой жене одна их соседка вдова, и задумала она купчиху известить, чтобы самой потом за купца замуж выйти. Была она женщина еще в самой поре: высокая, белая да румяная, хоть от первого мужа у нее было две дочери постарше Насти. Собралась вдова и пошла в дремучий темный лес; а в том лесу жила ее тетка Баба-Яга, злая колдунья. Все вдова Яге рассказала, ничего не потаила, и дала ей Яга два яблока — не простые, заколдованные: первое женщине дать — обернется она коровою, а вторым всякого мужчину к себе приворожить можно.

Вернулась вдова домой, сейчас пошла к своей соседке и стала ее звать: «Что ты все дома сидишь? Пойдем в зеленой роще погуляем». Согласилась купчиха, взяла с собой дочку — и пошли они в зеленую рощу гулять. Как завидела Настя цветочки алые, лазоревые, принялась их рвать, венки заплетать. Деревцо за деревцо, кустик за кустик — и отошла от родимой матушки из виду. В ту

пору купчиха от жары притомилась, захотелось ей испить. Подвела ее вдова к глубокому бездонному пруду, что посреди рощи был, и говорит: «Можно из пруда напиться, только вода в нем плохая, стоялая. Лучше скушай вот это яблочко, спелое да сочное». И дала купчихе заколдованное яблоко. Только откусила купчиха яблоко — обернулась коровою Буренушкой. А вдова давай кричать, людей на помощь звать: будто оступилась купчиха с крутого берега и в пруду утонула. Собрались люди, стали баграми в пруду искать, невода закидывать — не нашли купцовой жены и разошлись по домам.

Пошел домой и купец с дочкой, а корова Буренушка ни на шаг от них не отстаёт, идет сзади, в лицо Насте заглядывает, и текут из ее глаз слезы, точно человек горько плачет. Пришли домой. «Чья это корова? — спрашивает Настю отец. — Надо ее прогнать». Стала Настя его просить-молить, чтобы оставил он Буренушку, не гнал бы со двора. «Ну, хорошо, — говорит купец, — пусть побудет, пока хозяин не сыщется». Не отыскался хозяин у Буренушки, так она и осталась.

Прошло после того с год времени — уже купец во вдове души не чает; околдовала она его приворотным яблоком и так ему полюбилась, что только он и думает, как бы ее за себя замуж взять. А вдове то и на руку; как посватался к ней купец, сейчас веселым пирком, да за свадебку — и перешла вдова с дочерьми жить к новому мужу в дом.

Худое тут Насте пришло житье. День и ночь мачеха на нее ворчит. Как у ней язык не заболит?! Все не так, все худо; пойдет и придет, станет и сядет — все невпопад. С утра до вечера — как заведенные гусли! У родимой матушки Настя как сыр в масле каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а злая баба расходится — не скоро уймется: все будет придумывать да зубы чесать. Чужие люди Настю любили и жалели, а мачеха с сестрами ее красоте завидовали, мучили ее всякими работами, чтобы она от трудов похудела, от солнца почернела. Только как ни старались они Настю извести — ничего поделать не могли: сами от злости худели да дурнели, а Настя со дня на день хорошела, как пышный цветок распускалась, на всю округу первой красавицей, первой рукодельницей слыла. Злитесь мачеха день ото дня больше, а того не знает, что помогала Насте ее коровка Буренушка. Вот как это дело сталося. Только что вышла вдова замуж за Настиного отца, придралась чего-то к падчерице и выгнала ее вечером зимою в лютый мороз из дому вон: ночуй, где хочешь. Посидела бедняжка в сенях — не знает, где голову приклонить, — и надумала пойти хоть в хлев погреться. Вошла в коровник, прижалась к своей Буренушке, обхватила ее за шею, стоит, горькими слезами обливается.

Вдруг в самую полночь, только что петухи пропели, говорит ей Буренушка человеческим голосом: «Не плачь, мое дитяtko, не горюй! Знаю я твою беду и в ней тебе помогу. Ведь я твоя родная матушка: обернула меня коровой злая разлучница, мачеха. Говорить с тобой человеческим голосом можно мне только один раз в году — в нынешнюю ночь — и только три минуточки. Слушай скорее: как приключится тебе от мачехи какая беда — побьет она тебя или тяжелой работой замучает — приходи ко мне, в одно мое ушко влезь, в другое вылезь, и все горе твое как рукой снимет, еще больше похорошеешь. А если работу какую непосильную тебе мачеха задаст, приноси, коли можно, ее ко мне, я тебе и в этом помогу».

Так и стала делать Настя. Обидит ее мачеха, она прокрадется в хлев к своей Буренушке, припадет ей на шейку, как к родной матери, и выплачет свое горе: «Буренушка-матушка! Бьют меня, журят, хлеба не дают, плакать не велят! Назавтра приказала мачеха пять пудов льну напрядь, наткать, побелить, в куски скатать». Потом влезет Буренушке в одно ушко, в другое вылезет —

горя как не бывало и вся работа сделана: и напрядено, и наткано, и побелено, и скатано. Поглядит мачеха на сработанное, покряхтит, поворчит, спрячет в сундук своим дочерям на приданое, а падчерице еще больше работы задаст.

Время идет да идет, а Настя час от часу все цветет, хорошеет. Все женихи только к ней сватаются — на мачехиных дочерей никто и смотреть не хочет. Мачеха пуще прежнего злится и всем женихам одно отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!» А проводивши женихов, побоями зло Насте вымещает.

Билась-билась мачеха с падчерицей — ничто не берет. И порешила она пойти к Бабе-Яге в дремучий лес за советом: как бы Настю известить. Говорит ей Яга: «Ничего ты с ней не поделаешь, пока у вас в доме корова Буренка живет: ведь корова-то ее мать. Прикажи ты корову эту зарезать, а падчерицу потом пришли ко мне за каким-нибудь делом. Я уж с ней по-своему управлюсь».

Только что вернулась купчиха домой — начала к мужу приставать: «Вели корову Буренку зарезать: она всю ночь мычит, мне спать не дает. Молока от нее нет, только даром кормим». Услыхала это Настя, испугалась, стала было отца просить, чтобы не слушал мачехи, не велел резать любимую Буренушку, — как накинется на нее мачеха: «Ах ты такая-сякая, хочешь меня с мужем ссорить!» Избила Настю и вон из дому выгнала. Купцу что до коровы — резать, так резать, — послал за мясником, чтобы на другой день зарезал корову.

А Настя прибежала ночью к своей Буренушке, припала к ее шее, плачет горькими слезами да приговаривает: «Родимая моя Буренушка! Нет конца мачехиной злобе: приказала она тебя завтра зарезать. Убьют тебя — на кого я, горемычная, останусь?» Отвечает ей Буренушка человеческим голосом: «Не плачь, дитяtko мое милое, слезами горю не поможешь: видно, так мне на роду написано. Не то беда, что убьют меня, а то горе, что нельзя уж мне будет помогать тебе, как я прежде помогала. А все-таки не оставлю я тебя без помощи. Как зарежут меня, попроси ты мясника, чтобы отрубил он мой правый рог; береги его всегда при себе, никому не показывай; а когда приключится с тобой какая беда — приложи рог к уху и слушай: он тебя научит, как горю пособить».

На другое утро зарезали Буренушку при злой мачехе; а как ушла она и стал мясник мясо на части рубить — выбежала к нему Настя и выпросила себе на память правый Буренушкин рог.

Вскорости после того понадобилось купцу ехать из дому на долгое время по торговым делам. Как уехал он, мачеха перешла на житье в другой дом; а возле того дома и начинался дремучий лес, где Баба-Яга жила. Пришла осень. Раз

вечером мачеха раздала всем трем своим девушкам работу: старшую дочь заставила кружева плести, младшую — чулки вязать, а Настю — прясть, и всем большие уроки в работе задала. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку в той горнице, где работали девушки, а сама спать легла. Девушки работали. Только вдруг затрещала свечка — что-то на светильню попало — и начала гаснуть. Старшая мачехина дочка стала было поправлять светильню, да вместо того, по приказу матери, будто нечаянно, и потушила свечку вовсе. «Что нам теперь делать? — говорит. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-Яге». «Мне от спиц светло, — говорит младшая мачехина дочка, что чулки вязала, — я не пойду». «И я не пойду, мне от булавок светло», — говорит ее сестра, что кружева плела. «Тебе за огнем идти! — закричали обе. — Ступай к Бабе-Яге!» И вытолкали Настю из горницы.

Пошла она в свой чуланчик, села и задумалась: «Чем мне каждый день муки терпеть, пойду лучше к Бабе-Яге — один конец!» Вынула Буренушкин рог, приложила его к уху и слышит, точно издали ей тихий голос говорит: «Не бойся, Настенька, дочка моя милая, ступай, куда посылают. Только смотри: рога с собой взять не забудь да почаще его слушай — ничего с тобой у Яги не случится». Настя спрятала рог за пазуху, перекрестилась и пошла в дремучий лес.

Всю ночь шла Настя, не останавливаясь, чуть-чуть сереть в лесу стало — вышла она на поляну, где стояла избушка Бабы-Яги. Стоит избушка на курьих ножках, на петушьих пятках, кругом избушки забор из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами, и горят эти глаза ярким огнем, так что на поляне как днем светло; вместо дверей у ворот — ноги человечесьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами; за забором собачка бегают, побрехивают. Обомлела Настя, прижалась к дереву, шевельнуться со страху не может.

Вдруг скачет через поляну всадник: сам белый, одет в белое, конь под ним белый и сбруя на коне белая — стало рассветать, месяц за гору зашел, у черепов глаза начали гаснуть. Все стоит Настя, от страха опомниться не может. Немного погодя промчался другой всадник: сам красный, одет в красное, конь под ним красный и сбруя на коне красная — стало всходить солнце. Все стоит Настя, тронуться с места не смеет, не знает, что делать. Вынула она из-за пазухи Буренушкин рог, прислушалась — из него говорит ей голос: «Сейчас приедет Баба-Яга с добычи, ты к ней подойди, свое дело ей скажи, все, что она прикажет, делай и никому, кто что от тебя будет просить, не отказывай».

Вдруг страшно в лесу загудело, завывало, застучало, поднялся вихрь, деревья к земле приклонились, застонала мать-сыра земля — выезжает из лесу Баба-Яга, костяная нога; в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась, огляделась кругом: «Фу-фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь есть — отзовись!» Настя подошла к старухе со страхом и низко ей поклонилась: «Это я, бабушка. Меня мачехины дочери прислали огоньку у тебя попросить!» — «А, внучка, наконец-то ты ко мне пожаловала! Ну, входи в мой дом, поработай на меня. Коли угодишь — будет тебе огонь; а нет — не прогневайся: найдем и для твоей головы в заборе свободный кол!» Потом обернулась к воротам и крикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь! Ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились. Въезжает Баба-Яга на широкий двор; въезжает, посвистывает; позади нее Настя потихоньку вошла, и за ними опять все заперлось.

Вылезла Яга из ступы — ступа сама в сарай поехала; вошла Яга в горницу и развалилась на постели. «Подавай-ка, — говорит Насте, — что там в печи: я есть хочу!» Стала Настя таскать из печи да подавать Яге кушанья — а кушанья было настряпано человек на десять, — принесла из погреба квасу, меду, пива, вина. Все приела, все выпила Яга, приела и с костями, выпила до единой капельки; оставила Насте одно только поросячье ребрышко, да и то обглоданное. «Ну, теперь, — говорит, — я до вечера спать лягу, а ты не бездельничай: состряпай мне к завтраку столько же еды, сколько было мне на ужин приготовлено. Вот пока тебе вся работа, а буду вечером уезжать — дам тебе настоящее дело». Сказала Яга и захрапела так, что с деревьев сухой лист посыпался.

Вышла Настя на крыльцо, села на ступеньке и только что хотела позавтракать ребрышком — подходит к ней старый облезлый кот и говорит: "Мяу, мяу, девица! Дай мне то, чем тебя Яга попотчевала. Настя вспомнила совет Буренушкина рога, отдала коту ребрышко, а сама не евши осталась. Стала она ходить по двору, Бабы-Яги хозяйство осматривать: все амбары, погреба, закрома полным-полны припасами. Забрала она чего нужно и принялась готовить Яге к вечеру завтрак. Вдруг выбежали из-под пола мышки и говорят: «Девица, девица! Дай нам каши: мы тебе пригодимся». Она им дала каши. Сготовивши завтрак, села Настя под окошко и задумалась. Подходит к ней черная собачка, что двор сторожила, старая, худая — кости да кожа, — и говорит: «Здравствуй, девица, чего пригорюнилась?» Настя ей рассказала, об чем задумалась. «Вынеси мне, девица, говядинки кусочек, я тебе пригожусь». Вынесла ей Настя кусочек говядинки.

До вечера далеко, все дело сделано — вышла Настя на Ягин двор, подошла к воротам; вдруг говорят ей ворота человеческим голосом: «Девица, певица, подлей нам масла под пяточки: мы тебе пригодимся». Она подлила им масла под пяточки. А яблонька, что у ворот стояла, тоже просит: «Подвяжи меня, девица, ленточкой из твоей русой косы: я тебе понадоблюсь». Настя и яблонькину просьбу исполнила.

Подошло дело к вечеру; проснулась Баба-Яга, позавтракала по-утреннему и говорит девице: «Сейчас я уеду, а ты в ночь делом займись: есть у меня полный амбар пшеницы, да кто-то со зла в нее земли намешал. Так вот, к утру ты всю пшеницу по зернышку перебери, каждую пшеничину обдуй, очисти и чистую в другой амбар пересыпь. Да смотри: есть мне приготовь. А не сделаешь всего — завтра я тобой поужинаю».

Вдруг мелькнул по двору всадник: сам черный, одет в черное, конь под ним черный, сбруя на коне черная; мелькнул около дома, точно сквозь землю провалился, — наступила ночь. Баба-Яга вышла на крыльцо, гаркнула-свистнула — подъехала к ней ступа с толкачом. Она села в нее и загремела по лесу.

Осталась Настя одна, не знает, за какую работу вперед взяться, стоит у амбара да горько плачет. Вдруг выбегает мышка: «Чего, девица, плачешь?» — «Как мне, серая мышка, не плакать? Наказала мне Баба-Яга к утру из этого амбара всю пшеницу по зернышку от земли очистить и в другой амбар перенести; да еще, чтоб к утру ей ужин готов был». — «Ну, красавица, в этой беде я тебе помогу. Ступай же ужин готовить, а с пшеницей мы за тебя справимся». Отперла Настя амбары — откуда ни возмись, набежало мышей видимо-невидимо. Давай пшеницу из амбара в амбар по зерну перетаскивать. Еще далеко до свету — вся работа была готова: и пшеница перечищена, и ужин Яге поспел.

Мелькнул во дворе белый всадник — стало рассветать; мелькнул красный — взошло солнце; глаза у черепов, что всю ночь горели, потухли. Затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сыра земля — едет Баба-Яга. Настя ее встретила. «Все ли сделано?» — спрашивает Яга. «Изволь, посмотри сама, бабушка», — отвечает Настя. Яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, ладно: не сегодня, так завтра!»

Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные друзья! Смелите пшеницу на муку!» Откуда ни возмись, явилось шесть пар рук, подхватили пшеницу из амбара и унесли прочь с глаз. Подозвала Яга к себе собаку с котом и говорит им: «Ну а вы, дармоеды, смотрите: не спите, эту девчонку сторожите, чтобы не

ушла куда. Проснусь, тогда в вас нужды не будет. Да чтоб и ворота с яблоней свое дело знали. Не то беда вам всем».

Наелась Баба-Яга, напилась, по-вчерашнему спать завалилась и говорит Насте: «Ты к вечеру мне завтрака не готовь, истопи только печку пожарче; а пока я не засну, сядь здесь около меня да почеси мне голову». Настя села около Яги. «Что ты так на меня, внучка, смотришь? — говорит ей Яга. — Уж не спросить ли о чем хочешь?» — «Хотелось бы, бабушка, да все не смела». — «Ну, спрашивай, только думай, что спросить хочешь: много будешь знать, скоро состаришься». — «Вот, когда я на поляне стояла, так мелькнул всадник, сам белый и на белом коне. Кто он такой?» «Это день мой ясный», — отвечает Яга. «Потом, немного погодя, красный всадник на красном коне мимо меня проскакал. Это кто же такой?» — «А это мое солнышко красное». — «А что значит черный всадник на черном коне, что вечером через поляну промчался и в твоём дворе с глаз пропал?» «Это ночь моя темная, все мои слуги верные!» — отвечала Баба-Яга, повернулась к стене и захрапела так, что с деревьев сухой лист дождем посыпался.

Подождавши немного, вышла Настя на крыльцо; подбежал к ней кот и говорит: «Пришла тебе беда, девица: ведь Яга затем печку тебе натопить приказала, чтобы в ней тебя же зажарить и тобой позавтракать. А ты печку топи, да трубу не закрывай. Может, пока Яга ее опять калить будет, ты и убежать успеешь. Хорошо бы тебе теперь бежать, да не можем мы тебя выпустить, пока она не проснется. До того времени приказала она нам тебя сторожить. Что она нам прикажет, то мы и делать должны». Как сказал кот, так Настя и сделала: печку вытопила, а трубы не закрыла.

Проснулась Баба-Яга. «Вытопила печку?» — спрашивает. «Вытопила», — говорит Настя. «Жарко?» — «Топила-то жарко, да боюсь: уж не остыла ли». Посмотрела Яга печку, рассердилась: «Эх ты, боярышня! Печку закрыть вовремя не умеешь. Смотри: совсем холодная. Ступай в светелку, садись пока прясть; я уж сама печку истоплю как следует».

Затопила Яга опять печку — целый воз дров в нее ввалила; а Настя сидит в светелке — прясть не прядет, все думу думает. Вынула из-за пазухи Буренушкин рожок, прислушалась — слышит из рожка голос: «Стоит здесь в углу сундук. Раскрой его, вынь полотенце и гребенку. Как побежишь, да будет тебя Яга догонять — кинь позади себя гребенку. Не поможет гребенка — кинь полотенце. Да не забудь череп с забора захватить. Как стемнеет, так и беги».

Только раскрыла Настя сундук, что в светелке в углу стоял, — а Баба-Яга подошла к окну и спрашивает: «Ткешь ли, внучка, ткешь ли, милая?» «Тку, бабушка, тку, милая!» — говорит Настя, а у самой со страха зуб на зуб не попадает. Ушла Баба-Яга. Вдруг слышит Настя: кто-то к ней в дверь царапается. Приотворила — вбежал кот и говорит: «Ну, девица, теперь пора, уж стемнело: беги скорей, сколько есть силы». Выскочила Настя из светелки — собачка ее пропустила, ворота перед ней отворились, яблонька в сторону отогнулась, — схватила она череп с забора вместе с палкою и пустилась бежать в лес без оглядки.

А кот стал за ткацкий стан, — ткет-не ткет, только путает. Подошла Баба-Яга к окошку и спрашивает: «Ткешь ли, внучка, ткешь ли, милая?» «Тку, баба, тку!» — говорит кот. Баба-Яга бросилась в светелку, увидела, что Настя ушла, давай бить кота и ругать: зачем не выцарапал ей глаза. «Я тебе сколько служил, — говорит кот, — ты мне сухой корки не дала, а она косточкой попотчевала». Накинулась Баба-Яга на собаку: зачем не лаяла, не кусала Настю, когда она убегала; на ворота: зачем перед ней отворились; на яблоньку: зачем ей глаза не выхлестнула.

«Я тебе сколько служила, — говорит собачка, — ты мне косточки обглоданной не кинула, а она меня мясом покормила». «Мы тебе сколько служили, — говорят ворота, — ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила». «Я тебе сколько служила, — говорит яблонька, ты меня и ниточкой не подвязала, а она, добрая, меня ленточкой из косы подвязала».

Баба-Яга села поскорей в ступу — толкачом погоняет, помелом след замечает — и пустилась догонять Настю. Бежит Настя, что есть силы, дремучим лесом. Вокруг нее ночь темная-непроглядная; видятся ей страшные чудища — за сарафан ее хватают, дорогу загораживают, а она все бежит да бежит. Вдруг слышит она: далеко-далеко сзади точно буря загудела, точно гром загрохотал... Стонет, дрожит мать-сыра земля... Баба-Яга догоняет!..

Обернулась Настя и кинула назад себя гребешок. Вдруг поднялся сзади такой густой лес, что и мыши между деревьев не пробраться — дремучий да страшный лес, без единой тропиночки. Наскочила Яга на лес — нельзя дальше. Завыла со злости и давай в лесу себе дорогу прогрызать.

А Настя все бежит да бежит. Вот уж и лесу скоро конец, рассветать начало. Вдруг, слышит: опять сзади загудело-загрохотало пуще прежнего, близится грохот, точно буря несется, стоя слышно, как дрожит, стонет мать сыра земля. То Баба-Яга прогрызла лес и в погоню мчится. Оглянулась Настя, а Баба-Яга уж вот она, вот-вот догонит!.. Только успела Настя кинуть полотенце —

разлилось позади нее широкое синее море, разлилось без конца-края. Подхватили волны Бабу-Ягу, назад на берег вместе со ступой выкинули. Постояла-постояла Яга на берегу, скрипнула со злости зубами, да ничего не поделаешь: пришлось назад, в свою берлогу, не солоно хлебавши, ворочаться...

Еще солнце не всходило, подошла Настя к своему дому. У ворот хотела было она бросить череп, что ей всю ночь в лесу светил, вдруг слышит: из Буренушкина рожка говорит ей голос: «Не бросай череп, неси к мачехе!»

Мачеха со своими дочками встретила Настю ласково и рассказала, что с той поры, как она ушла, у них в доме так и не было огня: сами добыть никак не могли, а какой от соседей принесут, тот сейчас гаснет, как только войдут с ним в горницу. «Авось, хоть твой огонь будет, держаться», — говорит мачеха.

Внесли череп в горницу — а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться — только, куда ни бросятся, глаза всюду за ними так и следят. В минуту совсем сожгло их в уголь...

Скоро вернулся из отлучки Настин отец. Настя ему все рассказала, и стали они жить вдвоем в мире да согласии лучше прежнего, потому что как померла мачеха, так и колдовство ее над Настиним отцом кончилось.